

Елена ДУБРОВИНА

Филадельфия, США

«Судьба души неведома словам...»

Путешествие в себя – Борис Поплавский (1903–1935)

1. ЖИЗНЬ

ПЯТИТСЯ НЕОСТОРОЖНО В СМЕРТЬ...

«Ничто, буквально ничто меня не радует... Смерть – небытие. Тоже и в Боге. Я понимаю Его как невероятную жалость к страдающим, но что толку, если сама жизнь есть мука»¹, – такую посмертную запись оставил в своем дневнике поэт Борис Поплавский.

Неожиданная и странная смерть тридцатидвухлетнего поэта потрясла русский Париж. Было ли это самоубийство, убийство или случайная смерть – никто не знал. На следующий день газеты писали, что он был отравлен чрезмерной дозой наркотиков каким-то монпарнаским проходимцем, не то русским, не то болгаринном, который побоялся умирать в одиночку и потому прихватил с собой Бориса.

*Ты говорила: гибель мне грозит,
Зеленая рука в зеленом небе.
Но вот она на стуле лебесит,
Спит в варварском своем великолепии.*

*Она пришла, я сам ее впустил,
Так впрыскивает морфий храбрый клоун,
Когда, летя по воздуху без сил,
Он равнодушья неземного полон»².*

Позже медицинская экспертиза установила причину смерти: отравление сильной дозой недоброкачественных наркотиков. Его друг Э. Райс так описал свою последнюю встречу с Борисом: «Это была странная встреча, еще больше озадачивающая странным поведением Поплавского перед смертью. Но до сих пор нельзя с уверенностью сказать – повинна ли в его смерти трагическая случайность или он обдуманно пришел к решению уйти из жизни. Но многие близкие и друзья Поплавского уверены, что он был убит – якобы той ночью он познакомился с молодым человеком, замыслившим самоубийство, даже называли его имя, Сергей Ярхо. Ему было страшно умирать самому, и он решил прихватить с собой случайного знакомого, которым по иронии судьбы оказался Поплавский. Самоубийца и угостил поэта смертельной дозой героина».³ Сергей Ярхо (Ярко), 19-летний уроженец Москвы, почему-то называл себя «светлейшим князем Багратионом». Он умер в госпитале, пережив Поплавского всего на несколько часов.

Смерть Бориса Поплавского – это смерть одного из самых трагичных и значительных поэтов «потерянного поколения». Его нашли рано утром вместе с его знакомым в маленьком магазине одежды, который принадлежал его матери. Поплавский умер во

сне, повернувшись лицом к стенке. Он ушел в тот неизвестный, фантастический мир, в тот сон или полусон, в котором он находился все последнее время, ни с кем не попрощавшись, но оставив после себя черную, глубокую пропасть, наполненную до краев тайнописью его видений, одиночеством, нищетой.

С болью откликнулись на смерть Поплавского В. Ходасевич, Д. Мережковский, Г. Газданов, Н.Татищев, Ю. Фельзен, Ю. Терапиано и многие другие. Им было трудно представить, что уже никогда больше не будет ни ночных разговоров, ни глухого голоса, читающего стихи о Морелле, ни бурных политических и философских споров. По словам А. Ладинского, «он погиб так рано, не используя до конца своего таланта».

Гибель Бориса повергла всех его друзей в отчаяние. «Вернувшись с очередных летних каникул, я не узнал всегда бурного, полного жизни Бориса. Он как-то осунулся, потускнел, притих... Долго не решался спросить, в чем дело. А когда спросил... он кротко и долго посмотрел на меня и сказал: «Не надо, не трогай, когда-нибудь все станет известным...» Через два-три дня (или раньше, может быть, даже на следующий день) я не поверил своим глазам, увидев в «Последних новостях» его портрет в траурной рамке с подробным и невнятным описанием его гибели... Потом отпевали его в маленькой, бедной русской церковке» (Г. Газданов).⁴

Мы так и не узнаем – планировал ли он свою скорую смерть или предчувствовал ее? Привожу пророческие строки из стихотворения Поплавского, как бы предсказавшие его собственную смерть:

*Прощай, эпическая жизнь,
Ночь салютует неизвестным флагом,
И в пальцах неудачника дрожит
Газета мира с траурным аншлагом.*

В день его похорон над Парижем было небо серым, мелко накрапывал осенний холодный дождь. Город погрузился в вечерний мрак. По словам очевидцев, на последней панихиде в жалкой церкви с цветными стеклами, на которых неумелой рукой были нарисованы картины священного содержания, собралось множество народа, был ворох цветов, особенно благоухали розы. Кроме тех, кто знал Поплавского как человека и как поэта, были еще люди, неизбежно присутствующие на всех похоронах и панихидах. Горели свечи, капал на руки горячий воск. В церкви было так тихо, что шум дождя долетал сквозь открытую дверь. И среди присутствующих царило чувство непоправимости и отчаяния по поводу безвременной смерти большого русского поэта. Василий Яновский так описал похороны Бориса

Поплавского: «Затем были похороны с огромным ворохом дорогих цветов: розы действительно пахли смертью. В русской церковке нельзя было протолкаться. Барышни рыдали; многочисленные иноверцы стояли с напряженными лицами»⁵.

*Розов вечер, розы пахнут смертью,
И зеленый снег идет на ветви.*

Из дневника: «Я по-прежнему киплю под страшным давлением, без темы, без аудитории, без жены, без страны, без друзей...»

*Сабля смерти свистит во мгле,
Рубит головы наши и души.
Рубит пар на зеркальном стекле,
Наше прошлое и наше грядущее.*

Борис Поплавский любил одиноко бродить по ночному Парижу под темным звездным небом от Монпарнаса к Шатле (где Поплавский тогда жил) или долго сидеть на скамейке парка, прислушиваясь к ночной тишине. По дороге он покупал табак и полые французские свечи, которые стоили гроши (вероятно, чтобы работать по ночам). А потом в маленькой убогой квартирке записывал родившиеся во время ночной прогулки новые строчки стихов:

*Там внизу, привыкшие к отчаянью,
Люди спят от счастья и труда,
Только нищий слушает молчанье
И идет неведомо куда.*

*Одиноко на скамейке в парке
Смотрит ввысь, закованный зимой,
Думая, там столько звезд, так ярко
Освещен ужасный жребий мой.*

Часто просиживал он ночами с друзьями-литераторами в маленьком кафе «Ротонда» («Le Rotonde») на Монпарнасе, когда-то воспетом Хемингуэем. Было оно тем местом, где зарождались идеи живописи европейского авангарда. Почти каждый день приходили в кафе «Ротонда» Пикассо, Дерен, Вламинк, Модильяни, Сутин. Иногда забегал наезжавший из Германии Кандинский. Знал ли их всех Поплавский? Кто из них оказал особое влияние на его поэзию и живопись? Кандинский, Шагал, Сутин? Однако кафе было также и пристанищем для парижской русской литературной богемы. Там читали до утра стихи, дискутировали или просто спорили о смысле жизни и о смысле своего нищенского существования, вспоминали былое:

*До вечера шары стучат в трактире,
Смотрю на них, часы назад идут,
Я не участвую, не существую в мире,
Живу в кафе, как пьяницы живут.*

Как писала Зинаида Шаховская, «кафе было клубом, спасением от одиночества»⁶. Засиживались за одной чашкой кофе допоздна, до последнего метро, а потом бродили по ночным улицам спящего Парижа, по рынкам и бульварам, исполненные юношеского восторга, «в поисках идеального воплощения, подвига и греха», продолжая философствовать, обсуждать последние события в России, убийство царской семьи, все еще надеясь на скорое возвращение. В стихотворении «Уход из Ялты» Борис Поплавский напишет:

*Кто знал тогда... Не то ли умереть?
Старик спокойно возносил причастье...
Что ж, будем верить, плакать и гореть,
Но никогда не говорить о счастье.*

Часто гуляли втроем – Василий Яновский (ставший известным мемуаристом и прозаиком), Николай Гронский (поэт, погибший молодым под колесами поезда на станции метро) и Борис Поплавский. Иногда к ним присоединялся Павел Горгулов (поэт, позже казненный за покушение на французского президента Думера). Говорили о любви, о Зоценко, о Прусте, вспоминая прошедшие годы.

*И плакали – люди наутро от жалости страшной,
Прошедшие годы увидев случайно во сне.*

И было на какое-то время ощущение, что возвращались они ненадолго в былую Россию, в атмосферу Серебряного века, но вскоре, будто пробуждаясь от страшного сна, понимали, что:

*России нет! Не плачь, не плачь, мой друг,
Когда на елке потухают свечи,
Приходит сон, погасли свечи вдруг,
Над елкой мрак, над елкой звезды, вечность.*

В ночь похорон Бориса Поплавского октябрьские парижские дожди оплакивали нищего парижского скитальца и великого русского поэта: «Кружит октябрь, как тот белесый ястреб, / На небе перья серые его...» Его хоронили на кладбище рабочего парижского пригорода Иври. В 1948 году прах Бориса Поплавского был перенесен на русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

*Я на кладбищах двух погребен,
Ухожу я под землю и в небо.
И свершают две разные требы
Две колдуньи, в кого я влюблен.*

Вскоре над спящим бедным русским кварталом опустилась глубокая ночь, мрачно нависло над городом тяжелое беззвездное небо, покрыв таинством так много затерянных на чужой земле судеб. В сетке мелкого дождя тускло мерцали газовые фонари, отбрасывая длинные причудливые тени. Ночь пела свою колыбельную песню о еще одном погибшем поэте, о душе, затерянной в огромном холодном мире, которую никто не мог спасти или сломать преграду нескончаемого, трагического одиночества. И странно наступал рассвет...

*Все мы умерли здесь,
Мы, влюбленные в жизнь,
Раздували лазурное пламя
Лазурных весенних
Ночных подземелий.
Как странно, как глухо.
О, этот рассвет –
Как ангел смерти!*

II. ВЕХИ ЖИЗНИ

Борис Юлианович Поплавский родился 7 июля 1903 года в Москве, погиб 8 октября 1935 года в Париже. Рос он в семье неблагополучной, но творчески одаренной. В письме Юрию Иваску от 19 ноября 1930 года Поплавский напишет: «[Родители] жили богато, но детей притесняли и мучили, хотя ездили каждый год за границу и т.д. Дом был вроде тюрьмы, и эмиграция была для меня счастьем».

Родители Поплавского были профессиональными музыкантами. Мать, Софья Валентиновна Кохманская, играла на скрипке, отец, Юлиан Игнатьевич – на фортепиано. Отец Бориса был человеком необыкновенно талантливым и одаренным. Талант его заметил П. И. Чайковский, учеником которого он был. Однако Юлиан Игнатьевич отличался некой эксцентричностью и, несмотря на свой талант музыканта, по каким-то причинам (возможно, финансовым) оставил музыку и занялся промышленной деятельностью. Мать поэта, как и многие в кругах русской передовой интеллигенции в то время (А. Белый, М. Волошин, Д. Кленовский, Н. Бердяев, З. Гиппиус, Д. Мережковский и т.д.), увлекалась антропософией, эзотерической философией, перекликающейся с теософией, оккультизмом. Известно, что Елена Блаватская, философ теософского направления, оккультист и спиритуа-

лист, приходилась Софье Валентиновне дальней родственницей. В Филадельфии (США) до сих пор существует теософское общество, которое впервые зародилось в 1875 году в маленьком доме на улице Сэмсон, где жила Елена Блаватская. Там были заложены основы более широкого теософского движения. Основателем же антропософии был австрийский философ Рудольф Штейнер. Под его руководством это движение прошло несколько периодов. Первый – это период синтеза между наукой и духом (духовной наукой). Второй включил в себя культуру и различные виды искусства. Возможно, что именно под влиянием матери Борис проявил с детства интерес к теософии, оккультизму, религии, интерес к познанию души и духовного сознания, который углубился позднее, отразился на его творчестве и положил начало его «путешествию в себя». В 1922 году в Берлине он отмечает в своем дневнике: «Я познакомился с теософическим учением, которое есть раньше всего упорное воспитание интеллекта и чувства через сосредоточенное мышление и молитву». В конце двадцатых годов Поплавский напишет два стихотворения «Астральный мир» и «Lumiere Astrale», из которых становится ясно, что он был хорошо знаком с учением Елены Блаватской, где она впервые указывает, что астральный свет – это тонкое тело, всегда соединенное с душой, как «бессмертное, светящееся и звездopodobное».

Отец Поплавского вспоминал, что первое стихотворение Борис написал в возрасте двенадцатитринадцати лет из чувства соперничества с сестрой Натальей, которая оказала влияние на его творчество. По словам М. Цветаевой, она была «лихорадочной меховой красавицей». Мать Бориса была женщиной властительной и жесткой. Отношения Бориса с матерью не складывались, постоянная вражда с нею сказалась и на личности самого поэта. Привязанность к отцу и дружба с ним помогали противостоять истерическим взрывам матери. Позднее двойственность характера стала чертой не только его личности, но и творчества. Интересен тот факт, что, когда Борис стал жить отдельно, он писал отцу каждый день, матери за всю жизнь не послал ни одного письма. В чем же была причина его разлада с матерью, который начался еще в ранние годы и продолжался всю жизнь? Борис был очень чувствительным, нервным и легкоранимым юношей, и постоянное недовольство сыном, вечные упреки стали причиной многих тяжелых столкновений и неприятных сцен, которые больно ударяли по самолюбию и унижали Бориса. Для юноши эти сцены были мучительны. Он страдал от них, погружался все глубже в себя, искал ухода от действительности, чем, возмож-

но, и объясняется его раннее пристрастие к наркотикам, желание утолить и исцелить душевную муку и психическую травму.

Наталья, сестра поэта, росла в той же тяжелой атмосфере, что и Борис. Авангардная поэтесса, красавица, она вращалась в кругах литературной богемы, куда и ввела Бориса. Но наряду с этим она открыла ему и другой мир – мир гашиша и кокаина. Жизнь Натальи сложилась не менее трагично, чем жизнь Бориса. Она выпустила в России одну книгу стихов «Стихи Зеленой Дамы». Ее стихотворение «Ты едешь пьяная и очень бледная» стало особенно известным. Существуют разные варианты этого стихотворения, положенного на музыку. Наталья вскоре покидает семью, чтобы «искать нового счастья». Зная ее близко Надежда Серпинская, женщина с не менее странной и трагической судьбой, вспоминала, что отец Бориса Поплавского бежал в Париж через Ростов и Одессу, пообещав выписать жену и дочь. Однако время шло, но ни известий, ни денег обе женщины не получали. Чтобы как-то прокормиться, они стали продавать меха, драгоценности, а потом себя. «Мать, благоразумная и рассудочная, завела себе солидного покровителя, а Наташа кидалась из стороны в сторону, опускаясь все ниже. В 1921 – 1922 годах ее, оборванную, опухшую от пьянства, в опорках, с компанией профессиональных бандитов и воров, встречали на Трубной площади – очаге всего хулиганского и наркоманского люда. Наконец во время нэпа какие-то друзья ее отца, очевидно, получив директивы из Парижа, выхлопотали ей паспорт и снабдили деньгами на дорогу. Потом о ней доходили из-за границы противоречивые, путанные слухи, выдуманные, впрочем, как вообще обо всех эмигрантах»⁷. Наталья Поплавская умрет в Шанхае во второй половине двадцатых годов от крупозного воспаления легких, вызванного злоупотреблением опиумом. Брат Валентин, бывший офицер, запишется в Сорбонну, но по бедности учиться не сможет и вынужден будет стать шофером такси.

После Октябрьской революции семья жила короткое время в Константинополе, где Борис вступил в теософское общество. В мае 1921 года отец и сын Поплавские уезжают в Париж. Они поселяются в бедной гостинице на улице Жакоб, куда позже приезжает и мать Поплавского. Поплавские снимают маленькую дешевую квартиру недалеко от Монпарнаса, которая освещалась газом. Ночью мать отключала свет – не столько из экономии, сколько для того, чтобы досадить сыну, работавшему до поздней ночи.

Борис, проявивший способности к живописи, начинает посещать Художественную академию «Гранд Шомьер» на Монпарнасе, увлекается работами над

портретами (работал несколько месяцев в ателье по написанию портретов). Там он сближается с группой молодых художников. Рисует с натуры, но также пробует свои силы в модном тогда кубизме и пишет супрематистские картины.

Дарование молодого Поплавского проявляется в это время не только в живописи. Он пишет стихи, выступает перед русской аудиторией, посещает занятия на историко-филологическом факультете Сорбонны. Из-за нехватки денег занятия вскоре приходится оставить, но он продолжает самостоятельно изучать философию и мировую литературу. 1922 год он провел в Берлине, где встречался со многими видными литераторами и художниками. В это время в Берлине открылся «Дом искусств», задачей которого было установление связи и общения русских литераторов, художников, музыкантов, артистов. Борис часто посещал вечера в «Доме искусств». В Берлине находился Андрей Белый, который, как и Поплавский, увлекался антропософией. Там, в Берлине, встречался Поплавский с А. Белым, Б. Пастернаком, В. Шкловским, В. Маяковским и другими литераторами.

Личная жизнь молодого поэта долго не складывалась. «Грустный факт заключался в том, что за пределами литературных дам (которые не были созданы для вульгарных отношений) на нас никто не обращал внимания. И немудрено: плохо одеты, без денег и, главное, без навыка к легкой жизни и приятным связям», – писал Василий Яновский в «Полях Елисейских». Были мимолетные увлечения и расставания.

*Мы расставались; ведь не вечно нам
Стыдиться близости уже давно прошедшей,
Как осени по набережной шедшей
Не возвратиться по своим следам.*

Однако в 1931 году в философском кружке Борис знакомится с Натальей Ивановной Столяровой, куда ее и ее сестру привел Л. Б. Савинков. Судьба ее была необычна. Родилась она в Генуе в 1912 году. Дочь революционеров-народовольцев (мать Натальи, Н.С. Климова, была участницей покушения на Столыпина), Наталья рано осталась сиротой. Обе сестры жили в семье знакомых во Франции, учились во французском лицее, интересовались литературной жизнью Парижа, посещали литературно-философские кружки. Борис Поплавский и Наталья Столярова встретились, когда у 19-летней Натальи был роман с другим, с «узкоплечим, бородатым», «бессильным, слабым» неким Гашкелем. Контраст был очевиден, и молодая девушка увлекается Поплавским. С этой встречей у Бориса Поплавского связаны минуты счастья и бесконечные часы великих мук. Вскоре

после их знакомства Наталья Столярова становится невестой Бориса. Ей посвятил поэт один из лучших своих поэтических циклов «Над солнечной музыкой воды», опубликованный посмертно в сборнике «Снежный час» (Париж, 1936).

*Смерть глубока, но глубже воскресенье
Прозрачных листьев и горячих трав,
Я понял вдруг, что может быть весенний
Прекрасный мир и радостен, и прав.*

В поэзии Поплавского появляется солнечное сияние, «очнулась и внемлет душа». Чувства к Наталье Ивановне стали «солнечной страницей» его биографии. Просыпается душа от глубокого мрачного сна, тянется навстречу к свету, рвется из зимней неволи и зимней тьмы к «страшной, радостной жизни земной», и жить ему, наконец, становится «радостно и легко». В цикле стихов «Над солнечной музыкой воды» центральными образами становятся свет, солнце, сияние. Поэт как бы возвращается к жизни:

*Сияет жизнь, она близка к награде,
Свой зимний труд исполнивши любя,
И все вокруг одна и та же радость,
Что слушает во всем и ждет себя.*

Но счастье Поплавского было непродолжительным, и «солнечный» свет скоро померк, погрузив его опять в ту тьму, в которой он пребывал последние годы жизни. В декабре 1934 года Наталья Столярова уехала с отцом в СССР. Вот что пишет Столярова о своей последней встрече с поэтом: «...он был сдержан, а я плакала... Он сказал: «Когда Бог хочет наказать человека, он отнимает у него разум», – иначе говоря, что я не должна была уезжать. И, вероятно, он был прав. Он тешил себя мечтами, что я приеду через год... я тоже в это верила. Он допускал мысль, что сам приедет и будет работать «ретушером». В другие моменты, отговаривая меня, предсказывал с удивительной точностью мою судьбу»⁸.

Перед отъездом Борис Поплавский и Наталья Столярова договорились о том, что если она не вернется через год и если он получит от нее хорошие известия, то он поедет к ней в Россию. Сейчас стало известно, что отец Н. И. Столяровой был расстрелян вскоре после возвращения в СССР. Еще в 1935 году она получала письма от Поплавского, но в тот же год, находясь в Крыму, узнала о его гибели. В 1937 г. Наталья Столярова была арестована и осуждена на восемь лет. Все письма и автографы Поплавского были у нее изъяты при обыске. После освобождения она работала секретарем Солженицына. Наталья Ивановна Столярова умерла в Москве в 1984 году.

С отъездом любимой уходит надежда, исчезает сон о счастье. В 1934 году поэт напишет: «Ложусь на теплый вереск, забывая/О том, что долго мучился, любя».

Печататься Поплавский начал еще до эмиграции в провинциальных альманахах. В 1931 году в Париже вышла его первая книга стихов «Флаги». После его смерти – «Снежный час» (1936), «Дирижабль Неизвестного Направления» (1965), куда вошли стихи, обнаруженные уже после его смерти, и трехтомник его стихов вышел в 1980–1981 годах в университете Беркли под редакцией С. Карлинского. Остались также после его смерти два незаконченных романа: «Аполлон Безобразов» и «Домой с Небес». Теперь стихи и проза Бориса Поплавского широко известны в России.

III. ДУХОВНЫЙ ОПЫТ

Был Борис Поплавский, по описанию друзей, высокого роста, атлетического сложения, всегда носил черные очки, а его землистое, одухотворенное лицо «с темными колесами глаз» озаряла улыбка падшего ангела. По воспоминаниям Г. Газданова, «улыбка была похожа на улыбку доверчивого слепого».

*Скрыться в снег. Спаситься от грубых взглядов.
Жизнь во мраке скоротать в углу.
Отдохнуть от ледяного ада
страшных глаз, прикованных ко злу.*

Часто казавшийся грубым, он сам был точно без кожи, вскрикивал от иного прикосновения. Был он некрасив, но успехом у многих женщин пользовался благодаря манере вести беседу и «способности все схватывать на лету».

Об одаренности поэта и его необыкновенной личности писали многие. Прежде всего, он оставил неизгладимое впечатление на современников как человек и как личность, и это, в конечном итоге, отразилось и на оценке его стихов. Его философские высказывания записывались и передавались из уст в уста. Его умение страстно любить и так же страстно ненавидеть, умение абстрактно мыслить и фанатически боготворить поэзию, его необычайная эрудиция, чистота и сложность его души, острота и гибкость ума выдвигали его в ряд гениев. «Но отличительным свойством его натуры была разрывающая все преграды, безудержно и непрерывно прущая из него гениальность», – говорил Ю. Фельзен⁹.

О Борисе Поплавском пишут, разбирают его поэзию, пытаются разгадать тайну его души. Сейчас считают, что в истории русской литературы XX века не

было имени более загадочного и таинственного, чем Борис Поплавский. Вот что пишет о Борисе Поплавском известный литературовед, профессор Вадим Крейд: «Далеко не все в жизни Поплавского представляется нам кристально ясным. Были стороны его духовного опыта, о которых можно сказать, что он учился жить, не оставляя следов. Сказалось, в частности, чтение литературы даосов: зерно пало на подготовленную почву. Как эта сторона его жизни загадочна и несамоочевидна, загадочна и его смерть»¹⁰.

Говорили и о его незаурядности. С ранних лет будущий поэт увлекается живописью и музыкой, литературой и философией. О нем писали, что его видение мира было туманно, его видение себя – расплывчато. Путь в себя, в свою глубину, внутреннее осветление, одухотворение, понимание самого себя и Бога были для Поплавского длительным и мучительным процессом. В творчестве он чувствовал себя свободнее, чем в жизни. Мистический мир, в котором жил поэт, казался ему «огромным раскаленным, каменным пейзажем». По словам друзей, его мистическая жизнь была полна пугающих противоречий. Вот что говорит он словами Аполлона Безобразова: «Он был где-то далеко, по ту сторону рассветов и закатов, где и время и вечность, и день и ночь, Озирис и Сэт, и все живые и все умершие, и все грядущее и все надежды, и все голоса присутствуют вместе и никогда не расстаются, и никогда не смолкают, и оттуда со слезами на глазах нисходит в жизнь». Он не зря упоминает здесь Озириса – царя загробного мира, по древнеегипетской мифологии испытавшего второе рождение. Миф об Озирисе – это миф о духовном восхождении. Сэт, умертвивший своего брата Озириса, является темным аспектом, врагом Богов света. Братя Озирис и Сэт как бы воплощают духовное и земное начало. В этом небольшом отрывке также явно чувствуется и влияние китайской философии Дао, ибо согласно учению даосизма человек-микрокосм вечен так же, как и универсум-макркосм. Физическая смерть означает только то, что дух отделяется от человека и растворяется в макрокосме. Задача человека в своей жизни добиться, чтобы произошло слияние его души с мировым порядком Дао.

В кругу, в котором общался Поплавский, не было человека более блестящего, больше него размышлявшего не столько о литературной повседневности, сколько о религиозных и метафизических проблемах, к которым до конца своей короткой жизни «он пытался подыскать свой собственный ключ». В стихотворении «Астральный мир» Поплавский описывает тот мир, в который попадут наши души: «И над нами, как черные айсбергов глыбы, / Ходят духи. Там будет и ваша душа». Но воображаемый астраль-

ный мир не привлекает поэта: «Мы живем и хотим возвратиться на землю».

Василий Розанов, известный русский писатель и религиозный философ, оказал заметное влияние на настроение русского декаданта, на поэтов-символистов, включая формирование мировоззрения Бориса Поплавского. По словам Н. Татищева, Розанов являлся одним из любимых писателей Поплавского. Учение В. Розанова было ему близко, особенно по своему духовно-церковному подходу. Чуткая и страдающая душа поэта искала ответа в религиозной философии, а ощущения полной и окончательной безысходности, ставшей уделом изгнанников на чужбине, часто заставляли поэта искать ответа в религии. Николай Бердяев говорил, что личность существует только в том случае, если есть Бог, а истина – это освещение тьмы. Эти философские мировоззрения прослеживаются в поздних стихах Поплавского, в которых он часто обращается к Богу в поисках своей истины.

*Молчи и слушай дождь.
Не в истине, не в чуде,
А в жалости твой Бог,
Все остальное ложь.*

Вот выдержка из его дневника: «Я никогда не сомневался в существовании Бога, но сколько раз я сомневался в моральном характере Его любви. Тогда мир превращался в раскаленный, свинцовый день мировой воли, а доблесть в сопротивлении Богу – в остервенение стальной непоколебимой печали...» В 1935 году, незадолго до гибели, Поплавский, измученный нищетой, беспредельным одиночеством, поиском религиозного озарения, напишет:

*Улыбнусь. Рукой тетрадь открою.
Вспомню сон святой, хотя б немного
И спокойно, грязною рукою
Напишу, что я прощаю Бога.*

Поэт ищет покоя и уединения, душевного равновесия и находит его ненадолго в стенах религиозного храма.

*А потом под водой лежанию
В эту церковь пустую зашел,
Где лампада парит над землею,
Не смущаясь ни горя, ни зол.*

*Долго думал, но боль не смирилась,
Лишь потом потемнела она,
Слезы брызнули, сердце раскрылось.
Возвратилась моя тишина.*

IV. РУССКИЙ СЮРРЕАЛИСТ

Бориса Поплавского называли «первым и последним русским сюрреалистом» в поэзии, а также «маленьким Андреем Белым», Блоком и русским «Рембо». «Для Поплавского такими учителями были, как в свое время уже отмечалось критикой, Блок и А.Рембо», – писал В. Ходасевич¹¹. Поэзию Поплавского отличает умение скомбинировать знания ученых мировых философов и понимание двух культур – западной и русской. Поплавский прекрасно знал французскую литературу и философию, свободно говорил по-французски и читал в подлиннике. Не исключено, что он находился под влиянием Шарля Бодлера, предшественника сюрреализма, стихи которого представляют своеобразную автобиографию души в ее жизненном странствии. Лирический герой Бодлера пытается найти забвение в вине и наркотиках. «Я не знаю другого поэта, которого литературное происхождение было бы так легко определить. Поплавский неотделим от Эдгара По, Рембо, Бодлера, есть несколько нот в его стихах, которые отдаленно напоминают Блока», – напишет позже Гайто Газданов¹². Называли также и Гийома Аполлинера, французского поэта польско-русского происхождения, зачинателя сюрреализма. Стихи Поплавского напоминают в какой-то степени поэзию другого французского поэта-сюрреалиста, Поля Элюара, когда с помощью необычных образов поэт раскрывает свой сложный духовный мир, как он сам сказал, что в стакане воды столько же чудес, сколько их в глубине океана. Однако Элюар никогда не был до конца полным приверженцем сюрреализма.

Течение сюрреализма в литературе уникально, так как вбирает в себя не только элементы живописи, но и элементы философии, психологии и даже политики. В своем дневнике Поплавский подчеркивает свою принадлежность к живописи и философии: «Поэзия создается из музыки, философии и живописи, то есть от соединения Ритма, Символа, Образа». Талант Поплавского, как поэта, заключался именно в том, что он был еще и одаренным художником. Поэзию Поплавского объединяет с живописью то, что он, как и настоящий художник, не рисует картину точно так, как ее видит, не копирует внешнюю форму, а интерпретирует ее, пропускает через свое собственное «я». «Мы, живописцы, пользуемся теми же вольностями, какими пользуются поэты и сумасшедшие», – писал итальянский художник Паоло Веронезе¹³. Борис Поплавский, живя в Париже в 20-х годах, находился под влиянием сюрреалистов, где это течение взяло свое начало как в живописи, так и в литературе. В 1924 г. в «Манифесте Сюрреализма» лидер французского сюр-

реализма Андре Бретон писал: «Сюрреализм есть чистый физический автоматизм, посредством которого мы стремимся выразить в слове или в живописи истинную функцию мысли. Эта мысль продиктована полным отсутствием всяческого контроля со стороны рассудка и находится за пределами всех эстетических и моральных норм». Именно подсознательное, автоматическое создание образов характерно для поэзии Поплавского.

Сюрреализм коренился в символизме, сочетая иллюзии и парадоксальные формы, сочетая сны с реальным видением жизни. На мировоззрение сюрреалистов оказала влияние философия психоанализа Зигмунда Фрейда. Одной из основ сюрреализма стала идея запечатлеть виденное во сне сразу после пробуждения. Это могли быть галлюцинации, подсознательные образы, которые еще не затронула реальность. В поэзии Поплавского элементы сюрреализма очевидны. Он рисует нам сюрреалистические картины, где «подсознание главенствует над разумом», когда он создает странные фантастические образы, похожие на сон и отражающие состояние души почти на грани безумия, используя при этом метод сочетания свободных ассоциаций:

*Ночь пришла, и клоуны явились.
Счастье жизни хохотало труппе.
Музыканты-лошади кружились
С золотою стрекозой на крупе.*

*Но потом огонь блеснул в проходе,
Львы взревели, поднимаясь дыбом,
Как на океанском пароходе
Люди дрались в океане дыма.*

По сюжету это стихотворение напоминает картину одного из самых загадочных художников, бельгийца Рене Магритта (René Magritte) «Передвинутое небо». На полотне изображен поезд, выезжающий в облаке дыма из камина просторной комнаты. Мысль, которую хочет донести до нас художник, заключается, вероятно, в том, что из дыма могут возникать всевозможные фантастические образы: «Приятно строить дымовую твердь. / Бесславное завоевание это». Такие необычные, хаотичные образы, поток подсознательного видения предметов присутствуют во многих стихотворениях Поплавского. Вот несколько таких примеров: «Мертвый лысый мальчик спит в кровати», «Карлики и гномы на скамьях собора / Слушали музыку с лицами царей», «И вспыхивают белые ряды / Холодных фонарей домов голодных». Часто сюрреалисты создавали образы с помощью литературного сюжета, используя фабулу и символы. Примером могут послужить такие стихотворения

Поплавского, как «Дон Кихот», «Гамлет», «Серафита» (такое же название носит и роман Бальзака), «Детство Гамлета», «Тень Гамлета...», «Черная Мадонна», «Саломея», «Орфей», «Морелла» и т.д. Вот отрывок из стихотворения «Дон Кихот»:

*Подлетает к подъезду одер Дон Кихота
И надушенный Санчо на красном осле.
И в ночи возникает, как стих, как икота,
Беспредметные скачки, парад и балет.*

Два стихотворения «Морелла» похожи по сюжету на рассказ Эдгара По под тем же названием, основная тема которого – переселение души и идентичность человеческой личности. Душа Мореллы после смерти переселяется в тело дочери, но девочка, похожая как две капли воды на мать, умирает при крещении. Два стихотворения Поплавского – свободная интерпретация рассказа По, в которых поэт выражает свои мысли о переселении души.

*Где Ты, светлая, где? О, в каком снеговом одеянье
Нас застанет с Тобой Воскресения мертвых труба?
На дворе Рождество.*

*Спит усталая жизнь над гаданьем,
И из зеркала в мир чернокрылая сходит судьба.*

Под чернокрылой судьбой, вероятно, подразумевается сестра смерти.

Некоторые его поэтические произведения можно сравнить с картинами Сальвадора Дали, которые носят довольно четкий сюжетный характер, представляя собой сюрреалистическую интерпретацию виденного или реального. В своем творчестве особую роль Дали придавал подсознанию и интуиции. Он утверждал, что, работая над своими картинами, он сам часто не понимал их смысла, но это вовсе не означало, что этого смысла в картинах его не было. Он рисует тот трагический мир, который видит в страшном сне, в потоке галлюцинаций, когда спит разум и включается подсознание. Поплавский, как и Дали, выписывал каждую деталь на своих алогичных, похожих на кошмарные сны картинах – фотографиях причудливых снов, «усугубляя впечатление галлюцинации или бреда», создавая произвольные образы, как бы отключая разум и включая подсознание, но при этом не исключая, что характерно для сюрреалистов, а сохраняя элементы предметности:

*Поезд красивых вагонов сквозь сон подымался.
Странные люди из окон махали платками.
В глетчере синем оркестр наигрывал вальсы.
Кто-то с воздушных шаров говорил с облаками.*

Художник, внимательно прочитав это стихотворение, основываясь на фантастических образах Поплавского, мог бы легко нарисовать сюрреалистическую картину: красивые яркие вагоны видны как в туманном сне; из окон машут платками причудливые странные люди; на плывущих кристаллах синего льда наигрывает оркестр, а рядом плывут по небу воздушные шары.

Поэт освобождается от воздействия сознания и полностью подчиняется подсознательному течению, как если бы впадая в литургический сон, полную отрешенность от реального мира, подчиняясь иллюзии большого воображения.

V. ПОЭТ-ЭКСПРЕССИОНИСТ

В 10-20-е годы в Германии сформировалось течение экспрессионистов. Художник или поэт-экспрессионист не берет своих образов из окружающего мира, а изображает то, что он видит или чувствует внутри себя, и тогда его творчество становится способом выражения эмоций или душевного состояния (тоска, жалость, беспокойство и т.д.) посредством странных мистических образов, субъективной интерпретации реального состояния человеческой души. Экспрессионизм нес в себе элементы сюрреализма. В поэзии экспрессионистов, как и в поэзии сюрреалистов, часто переплетается реальное и нереальное, сон и явь. Сон их – это бесконечный поток густых образов, строки стихов – это «голос, слышанный во сне». И страшно проснуться и забыть свой сон: «Солнце взойди! Наши души остынут, / Мы станем большими, мы забудем свой сон». Так учение Зигмунда Фрейда о происхождении снов, иллюзий и галлюцинаций становится популярным и у экспрессионистов. Творчество становится выражением их внутренней неудовлетворенности, изоляции, одиночества. Элементы экспрессионистского течения ярко просматриваются в поэзии Бориса Поплавского. Поплавский считал, что поэзия должна отражать «кривые линии души», «сон и смерть, молчание и память», «последний жар души, последний свет», те оттенки чувств, которые испытывал сам поэт.

Одной из особенностей раннего экспрессионизма были его пророческие настроения. Из ранних поэтов-экспрессионистов по настроению он был близок к немецкому поэту Георгу Гейму, трагически погибшему в 24 года. Он, как и Поплавский, еще в дневниках, в которых он описывал свои сны, предсказал свою раннюю смерть. В 1924 году Поплавский напишет: «Я помню смерть мне в младости певала / Не дожидайся роковой поры». Образность и музы-

кальность, настроение безнадежности и погруженность в себя – характерные черты поэзии этих двух больших поэтов. Сравним хотя бы это описание ночи. У Георга Гейма:

*С востока тьма обильно вина льёт
Сапфирами из распростёртой урны,
И в чёрной мантии глухая ночь встаёт
Всей мощью на высокие котурны.*

(Перевод Юрия Куимова)

И у Бориса Поплавского:

*Над балом музыки сияли облака,
Горела зелень яркая у входа,
Там жизнь была, а в десяти шагах
Синела ночь и плыли в вечность годы.*

С 1911 г. в Берлине выходил журнал «Акцион» («Действие»), сплотивший вокруг себя литераторов, выражавших идеи экспрессионизма. В 1920 году там же, в Берлине, вышла антология поэтов-экспрессионистов «Сумерки человечества» (нем. «Menschheitsdämmerung»). Антология переиздавалась 35 раз и имела большой успех в Германии и за ее пределами. В нее вошло около двух десятков имен. Название антологии указывает на общее настроение экспрессионистов, т.е. на их постоянный пессимизм, нигилизм, отчаяние, состояние безнадежности, мысли о смерти... «Сумерки» являются символом захода солнца, заката, т.е. конца. Судьба многих поэтов-экспрессионистов сложилась трагически – утонул, провалившись под лед, Георг Гейм, умер в 37 Артур Рембо, некоторые поэты погибли в Первую мировую войну.

С помощью потока красок и необычных образов экспрессионисты выражали такие чувства, как страх, гнев, боль, страдание. То же самое мы наблюдаем и в поэзии Поплавского, который писал, характеризуя главную цель своего творчества: «Расправиться с отвратительным удвоением жизни реальной и описанной. Сосредоточиться в боли... Выразить хотя бы муку того, что невозможно выразить». Это состояние боли передается читателю, ибо чтение его стихов вызывает реалистическое ощущение физической боли. Сам поэт писал, что возможность «предаться во власть стихии мистических аналогий», создавать «загадочные картины, которые известным соединением образов и звуков чисто магически вызывали бы в читателе ощущения того, что предстояло мне». И, вчитываясь в эти строки, анализируя его поэзию с этой точки зрения, начинаешь понимать, что Борис Поплавский был не только поэтом-сюрреалистом, как считают многие исследова-

тели его поэзии, но в большей степени поэтом-экспрессионистом. Вот некоторые названия стихотворений Поплавского: «Раскаяние», «Отвращение», «Жалость», «Дух музыки», «Дух воздуха», «Бескорыстие», «Память» и т.д. Художников-экспрессионистов обвиняли в индивидуализме. Для Поплавского это были «искания наиболее индивидуального, наиболее субъективного миро- и духо-ощущения».

*И каждый вдруг вспомнил, что он одинок.
Кричал, одинок! задыхаясь от желчи.*

Читая его страшные, пронзительные строки, вспоминаешь картину известного норвежского художника-экспрессиониста Эдварда Мунка «Крик» – одинокий деформированный человек с желто-зеленым лицом на огромном мосту, кричащий в пустоту на фоне силуэта гор, моря и равнодушно стоящих вдалеке людей. Цветовая гамма у него чаще всего желтая, зеленая, красная. При помощи красок Поплавский, как и Мунк, передавал глубину душевного переживания.

*Свет из желтого окна
Падает на твердый лед.
Там душа лежит больна.
Кто там по снегу идет?*

Мунк говорил, что в картине «Крик» он хотел передать крик, вопль души, который ему слышится всюду и во всем. Здесь, в этом маленьком отрывке, мы видим – жизнь не имеет смысла, человек одинок и беспомощен в этом огромном желтом мире. Недаром картины Эдварда Мунка назывались – «Меланхолия», «Смерть в комнате больного», «Отчаяние», «Разрыв», «Соперничество», «Страх» и т.д. На картине «Тайна летней ночи» изображено заходящее солнце, отраженное в тихой воде, но в этом пейзаже чувствуется тревога – по воде разбросаны черные пятна, будто плывущие по воде облака. У Поплавского:

*Темнеют воды. Последний луч
Ложится в воду из темных туч.
...Цветок мечтает. Молчат гробы.
Никто не знает своей судьбы.*

Как у Мунка, так и у Поплавского состояние тревоги выражается с помощью цвета. Часто у него доминирует желтый цвет как символ необъяснимой тревоги, тоски, предчувствия смерти, когда «мир ужасен, солнце дышит смертью»:

*Желтый дым над низкою луною,
Поздний час, необъяснимый свет.*

*Боже мой! как тяжело весною,
И нельзя уснуть, и счастья нет.*

И если сюрреализм можно понимать как изображение предметов и образов с помощью их духовного, внутреннего освещения, преломления в собственном воображении или подсознании, или как вымысел их большого воображения, то экспрессионизм – это передача состояния души (боль, раскаяние, отчаяние, ревность) с помощью предметов или образов, увиденных внутри себя, и, самое главное, – передача этих образов с помощью красок.

Почему именно я сравниваю поэзию Поплавского с живописью экспрессионистов? Как я уже писала, Поплавский был не только поэтом, но и художником. Он учился живописи в Германии во время расцвета экспрессионизма, встречался с В. Кандинским в Берлине, а возможно, и в Париже. Экспрессионизм Кандинского критики описывали как «создание новых миров, несмотря на существование природы», а также писали, что творчество Кандинского – это «краска в картине – это событие – симфония. Форма – вторична, первично – духовно-отвлеченно-абсолютное и мистичное со дна души»¹⁴. Был Поплавский знаком и с М. Шагалом, у которого «чувство цвета и пространства как средство выражения демонических сотрясений сердца и мозга, плоти и духа, животного и человеческого глубокого терзания души – отчаяние – внутренний человеческий мир»¹⁵. Поплавский был близок по своим выразительным средствам к произведениям Марка Шагала. Если бы Поплавский состоялся как художник, возможно, что он достиг бы в живописи такой же высоты, как и в поэзии.

*Все молчит. Высота зеленеет.
Просыпаются ежась цари.
И, как мертвые, яркие змеи,
Загораясь, ползут фонари.*

Или:

*На желтом небе аккуратной тушью
Рукой холодной нарисован город.*

Картины Марка Шагала отличает яркая колоритность, и такую же яркую гармонию красок мы находим и в поэзии Поплавского. Вскоре после переезда из Витебска в Париж Шагал пишет ностальгическую картину «Воспоминания поэта», которую Поплавский не мог не заметить. Образ поэта, деформированного человека, лежащего на первом плане картины, на фоне тщательно выписанной усадьбы, вызывает ощущение болезненной тоски и ожидания чего-то лучшего.

*Томился Тютчев в немоте ночной,
И Блок впотьмах вздыхал под одеялом.
И только я, под яркою луной,
Жду улыбаясь деву из подвала.*

*...Я, может быть, хотел понять несчастных,
Немых, как камень, мелких, как вода,
Как небо, белых, низких и прекрасных,
Как девушка, печальных навсегда.*

*Но счастье не слушалось поэта,
Оно в Париже проводило лето.*

Или:

*Замолчал я, в песок ушел,
Лег на травку, как мягкий вол,*

*Надо мною жасмин расцвел,
Золотое усенье пчёл.*

*Я спокоен, я сплю в веках,
Призрак мысли, что был в бегах,
Днесь лежит у меня в ногах,
Глажу я своего врага.*

В живописи Марка Шагала мы встречаемся с волшебными образами: над городом летают влюбленные, часы, скрипки, рыбы, животные, кувшин с цветами стоит посреди реки. Шагаловские образы есть у Бориса Поплавского – «Ан по небу летает корова / И собачки на крыльях легких» или «Возникает меж звезд пассажирское чудище. / Полетает. И мы улетаем вдвоем», «Сад проплывает в малиновом зареве роз». Не знаю, видел ли Поплавский картину Марка Шагала «Летящая повозка», но мы можем встретить те же самые образы и в стихотворении Поплавского:

*И тогда на улицу, на площадь
Под прозрачный бой часов с угла
Выбежала голубая лошадь,
Синяя карета из стекла.*

Однако мы можем найти в поэзии Бориса Поплавского и хаотичные импровизации в духе Василия Кандинского.

*Зацветают в огне сады.
Замки белые всходят, как дым.
И сквозь темно-синий лесок
Ярко-темный горит песок.*

В одном этом четверостишии можно заметить

те качества, которые присущи живописи экспрессионистов – глубина красок, хаотические образы, как бы прорисовывающиеся сквозь дым или сон. Через эти странные образы поэт передает внутреннее состояние потерянного человека, его духовное смятение и разочарование жизнью. Заканчивается это стихотворение аллегорическим изображением смерти:

*Тихо смотрит череп в окно.
В этой комнате совсем темно,
Только молча, на самом дне,
Тень кривая спит на стене.*

Оба художника, Шагал и Кандинский, входили в группу «Мост», выразившую идеи экспрессионизма. В 1911 г. в Мюнхене было создано второе объединение экспрессионистов – группа «Синий всадник», в которой участвовали художники Ф. Марк, А.Маке, В. Кандинский, Л. Фейнингер, А. Явленский, П. Клее (Paul Klee)... Их привлекала гротескная фантастика страшных образов, столкновение жизни и смерти, мрака и света, интенсивность красок. На теорию цвета, разработанную еще Леонардо да Винчи, первым среди экспрессионистов обратил внимание немецко-швейцарский художник Паул Клее.

Поплавский часто не пишет стихи, а рисует их, передавая свое внутреннее состояние при помощи создания причудливых, загадочных образов – плод его подсознательного видения мира. Ярким примером тому может послужить написанное им в 1928 году стихотворение «Богиня жизни», где каждое четверостишие – это отдельная экспрессионистская картина. Заканчивается стихотворение образом смерти: «А вдалеке, где замок красных плит, / Мечтала смерть, курчавый Гераклит». Интенсивность цвета связана с мироощущением экспрессионистов как в литературе, так и в живописи. Так, в стихотворении «Римское утро» картины города окрашены в темные тона, настроение поэта, его душевное состояние выражены через фантастические образы и палитру красок: «По вековой дороге бледно-серой / автомобиль сенатора скользит» или:

*А в храме мраморном собаки лают
И статуи играют на рояле,
Века из бани выйти не желают,
Рука луны блестит на одеяле.*

Интересно, что в стихотворении «Римское утро» Поплавский упоминает древнегреческого философа, римского раба Эпиктета, философия которого, я думаю, была близка поэту. Эпиктет

проповедовал стоицизм. Основная задача этой философии – уметь различать то, что в наших силах и что нет. Нам неподвластно все находящееся вне нас, телесное, внешний мир. Эпиктета и его философию стоицизма Поплавский часто упоминает в своих дневниках и таких стихах, как «Флаги», «Римское утро», «Стоицизм». Эпиктет также считал, что не сами вещи, а только наши представления о них делают нас счастливыми или несчастными. Именно такая философия должна была быть близка экспрессионистам, так же как и утверждение о том, что люди являются рабами единого Бога, и вся жизнь человека должна находиться в связи с Богом, и истинная сущность человека состоит в духовности, благодаря которой он родствен Божеству.

Экспрессионисты видели мир и вещи через призму своих ощущений. Для их творчества были характерны нервная эмоциональность и трагичность мироощущения. Они считали, что земная жизнь иллюзорна – это только фильтр, который может очистить человека и привести к Богу. По мнению экспрессионистов, боль, страдания дают возможность человеку осмыслить суть существования, смысл бытия. В их произведениях важное место занимает смерть, которая является заключением человеческих страданий. Многие стихи Бориса Поплавского заканчиваются или мыслями о смерти, или ее образами, как в стихотворении «Сентиментальная демонология»: «Пока на грудь и холодно, и душно / Не ляжет смерть, как женщина в пальто». Именно таким художественным принципам и экспрессионистическим приемам и подчиняется поэзия Бориса Поплавского. Вадим Крейд в статье о Поплавском пишет: «В своих мечтах он видит себя скорее художником, чем поэтом», и дальше: «Вскоре последовало разочарование в своих возможностях, и он возвращается к стихам. Но интерес к живописи, проявившийся и в статьях его, и в поэтическом творчестве, не покидал его до конца»¹⁶.

VI. ВЕЛИКИЙ ПОЭТ КРАСОК

Отличительной чертой художников-экспрессионистов был спонтанный выбор красок под влиянием сиюминутного настроения и эмоционального состояния души. Василия Кандинского называли «великим композитором красок». Бориса Поплавского по аналогии можно назвать «великим поэтом красок». Экспрессионисты широко использовали контрастность различных красок, чтобы увеличить их «свечение», усилива-

ющее воздействие на зрителя. Поплавский пользуется словом, как художник пользуется красками, чтобы нарисовать ту картину, которая подсознательно сложилась в его воображении. Почти во всех его стихах всегда присутствуют цветные спектры. Это картины, нарисованные кистью и воображением художника. Только в одном небольшом стихотворении «Гамлет» он использует семь разных цветовых оттенков. Стихотворение Поплавского, посвященное Г. Иванову, изобилует красками. В этом стихотворении переплетаются картины, изображенные в сиреневых и розовых красках, символизирующих приход весны. Георгий Иванов, который сам мечтал стать художником, часто использовал те же приемы. Его любимые краски – синие, розовые, зеленые, черные. Он любил не только сами краски, но и игру «теней и света». В поэзии Г. Иванова присутствуют разные цветовые оттенки, передающие глубину его душевного состояния. Ивановский свет, его «неземное сияние» есть и в поэзии Поплавского, когда «сияет жизнь, она близка к награде», когда видит он между деревьев сияние воды или реку, сияющую на солнце, но сияние это не долгое, оно уходит вместе с любимой, и в его поэзии снова зима – «печаль зимы сжимает сердце мне», «на фоне радости затишие и скука».

Первые строчки стихов Поплавского часто сразу же дают нам цветовое описание: «Синий, синий рассвет восходящий...», «Свет из желтого окна...», «Голубая душа луча...», «На мраморе, среди зеленых вод...», «Синевели дни, сиреневели...»; или названия стихотворений – «Зеленый ужас», «Белое сияние», «Черный и белый» и т.д. Поплавский часто не выписывает образы, а рисует их различными красками, например, звезды:

*Синие смотрели в океаны,
Черные на башне звали ночь.
Белые спускались за туманы,
Алые в зарю летели прочь.*

Картина яблонь, растущих у дороги, передана им не только зрительно, но и иносказательно – на фоне черного мира – яблони в белом платье невест:

*В черном мире, где души враждебны,
Где закаты погибнуть зовут,
Тихо яблони в платье свадебном
Из предместья в поле идут.*

Поплавский чувствовал гамму красок, как композитор чувствует тонкости музыкального произ-

ведения. Краски самых разных оттенков преобладают в поэзии Поплавского-художника. Синие – «синели дни, сиреневели», «молния сверкала синей птицей», «синий ангел влюбился в весну». Фиолетовые – «не смотри в небеса, / упадешь в фиолетовый омут», «завучал фиолетовый голос луны». Лиловые – «но желанный сумрак лиловатый», «в лиловом небе дирижабли пели». Желтые – «желтый дым над низкою луною». Розовые – «розовый час проплывал над светящим миром», «розовый призрак зари», «сад раскрылся розовой стеною» и т.д.

*Розовый ветер зари запоздалой
Ласково гладит меня по руке.
Мир мой последний, вечер мой алый,
Чувствую твой поцелуй на щеке.*

Или:

*Розовый снег опускается в белой долине,
Солнце встает, занимается небо души.
Ангел танцует в лучах золотой мандолины.
В парке замерзших деревьев блестят камыши.*

Рисунок розовой зари, строчки и интонации перекликаются с блоковскими ранними стихами («Розовое, нежное / Утро будит свет...») и со стихами Георгия Иванова («В небе розовом до муки...»). Розовыми и белыми красками его воображение часто рисует снег – то розовый снег, который опадает в высоте безмятежной, то вот он запорхает белый, беспощадный, и мир воскреснет и заплачет, и отцветет розовым снегом. Снег доминирует в его стихах как символ легкости, чистоты, успокоенности: «Странно молчали последние сны на рассвете, / В воздухе реял таинственный розовый снег».

Образ снега в поэзии Поплавского связан в его сознании с чем-то прекрасным, может быть, с Богом или той Россией, которую он навсегда оставил: «Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе». Но когда растает белый снег, погибнет мечта, то светлое озарение, которое еще светилось в душе надеждой, тогда рухнет дом – и настанет смерть.

*Не помню. О припомни! Нет умру!
Растает снег. Дом канет бесполезно.
Подъемная машина рвется в бездну.
Ночь мчится к утру. Гибель поутру.*

Фон, чаще всего небо, – синий: «В воздухе го­рода желтые крыши горели. / Странное синее

небо темнело вдали». Поэт выбирает краски, соответствующие его психологическому состоянию. Почти в каждом из его стихотворений присутствует спектр красок, его различные оттенки как символ его внутреннего эмоционального состояния. Почему и Эдвард Мунк, и Марк Шагал, и Борис Поплавский часто использовали синие, желтые, зеленые, фиолетовые и лиловые цветовые тона? Синий цвет – это душевная глубина и внутренняя тишина, чистота, любовь к Богу. Он символизирует ощущение воздуха, простора, прохлады и покоя, зовет человека к бесконечному, будит в нем интерес к сверхчувственному. Синий цвет представляет собой вечность. Желтый цвет означает «поиски освобождающего выхода», когда неудовлетворенная эмоциональность превращается в безостановочные поиски выхода из тупика. Зеленый – утрату собственной силы к сопротивлению и даже страх перед собственным бессилием, когда человек стоит перед пустотой и чувствует себя полностью изолированным от окружающего его мира. Фиолетовый цвет означает духовность и космическую энергию. Он объединяет две противоположности: огонь красного и спокойствие синего. В китайской философии фиолетовый цвет – это траур. В индийской – печаль, нечто болезненное, погашенное и печальное. Лиловый цвет – согласно фен-шуй, означает жизненную силу. В китайской классической поэзии лиловый цвет символизирует положительную духовную силу. Розовый – это символ нежности, мягкости, романтизма, легкомыслия, инфантильности, чего-то безмятежного и праздного. Черный цвет – цвет печали. Белый – цвет духовной чистоты, ясности, покоя, непорочности, открытости, готовности открыть все тайны мироздания. Это цвет ангелов и спасителей, цвет светлых сил:

*Спи, забудь. Все было так прекрасно.
Скоро, скоро над Твоим ночлегом
Новый ангел сине-бело-красный
Радостно взлетит к лазури неба.*

Поплавский использует краски в своей поэзии, чтобы передать глубину душевного состояния, его масштабность, силу подсознательных импульсов. Такой подход к поэзии связывает его с художниками-экспрессионистами, и в первую очередь с Эдвардом Мунком и Марком Шагалом, работы которых отличает высокая колоритность и порой искаженная форма предметов и образов.

VII. «БЛУЖДЕНИЕ У КРАЯ ПРОПАСТИ»

Стихи – это не только отражение времени, в котором жил поэт, но и отражение его собственного духовного состояния. Для Поплавского поэзия – это еще и погружение в другой, астральный, мир небытия, «уход в себя». Стихи Бориса Поплавского необычны, они похожи на сон или бред («По огромному черному скалу / Мы скользили в безмолвье и сон»), бормотания одурманенного образами, стихией и стихами человека («Китайский вечер безразлично тих, / Он, как стихи, пробормотал и стих», «Сон и смерть, молчание и память / Возвращают к жизни мертвый день»). И страшно пробудиться от этого сна, и «страшно жить проснувшимся от сна». Его поэзия – это исповедь человека, зашедшего в жизненный тупик, но не искавшего выхода из этого трагического состояния, вернее, видевшего выход из него только в смерти. Такое состояние Адамович называл «блуждание у края пропасти».

*Спать. Лежать, покрывшись одеялом,
Точно в теплый гроб сойти в кровать,
Слушать звон трамваев запоздалых,
Не обедать, свет не зажигать.*

*Видеть сны о дальнем, о грядущем.
Не будите нас, мы слишком слабы,
Задует в поле наши души
Холод счастья, снежный ветер славы.*

*И никто навеки не узнает,
Кто о чем писал и что читал,
А наутро грязный снег растает,
И трамвай уйдет в сияньи вдаль.*

Эти трагические, одурманивающие своей музыкальностью строки казались особенно пронзительными, когда их монотонно читал сам автор, манерой чтения еще усиливая «туманность» своих образов. Он читал небрежно, читал в нос, без малейшего желанья прельстить слушателя. И не было ничего неувидительного для его слушателей, что именно этот человек «особенным, ни на чей другой не похожим голосом читал стихи, такие же необыкновенные, как он сам». Так описывает выступления Поплавского Василий Яновский в «Полях Елисейских»: «Стихи свои он читал тоже с монотонным напевом и под нос (как бы через свирель), вдруг ускоряя темп... В те времена «Черную Мадонну» или «Мечтали флаги» повторяли на все лады не только в Париже, но и на «монпарнасах» Праги, Варшавы и Ревеля».

*Вдруг возникнет на устах тромбона
Визг шаров, крутящихся во мгле,
Дико вскрикнет черная Мадонна,
Руки разметав в смертельном сне.*

*И сквозь жар ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,
Запорхает белый, беспощадный
Снег, идущий миллионы лет.*

Для Бориса Поплавского, как и для многих поэтов эмиграции, смерть была неким избавлением от страданий, выходом из того тупика, в который его загнала эмиграция. «Смерть неизбежна и прекрасна (даже если она зло)», – запись из дневника Поплавского. Смерть – лейтмотив всей его поэзии, мысли о ней никогда не покидают поэта («Жизнь пятится неосторожно в смерть»). У Поплавского даже, казалось бы, в спокойных тонах есть непокой, отчаянье, тревога, смерть:

*И весна, бездонно розовея,
Улыбаясь, отступая в твердь,
Раскрывает темно-синий веер
С надписью отчетливую смерть.*

«Не случайно ведущими темами их творчества стали углубленный самоанализ, настойчивые попытки разобраться в своих мучительно противоречивых чувствах, сомнениях, надеждах, отчаянии...» – так писал Адамович в книге «Одиночество и Свобода»¹⁷ о русских поэтах Парижа, что полностью относится и к творчеству Поплавского. Смерть, отчаяние, трагическое, безумное одиночество («одиночество в себе»), отверженность – неумение приспособиться к новому для него миру – одни из главных тем стихов Бориса Поплавского.

*Испей вина, прочтем стихи друг другу,
Забудем мир. Мне мир невыносим –
Он только слабость, солнечная вьюга
В сияньи роковом нездешних зим.*

Поплавский мистичен в своем творчестве. Он обладает каким-то мистическим опытом проникновения в иные реальности. Он не может найти истины на земле, у него нет надежд, утешения, нет выхода из материального неблагополучия, постоянного чувства унижения: «Мы идем в ресторан, где стоит на часах / Злой лакей, недовольный одеждою нашей». Полнейшая нищета, внутренний, глубокий разлад с действительностью, богатство его духовного мира и убожество внеш-

него, непонимание со стороны многих друзей и родных, отсутствие слушателя, сложность и стихийность его многогранной и одаренной натуры – делали его изгоем, лишним человеком.

*Жизнь прошла за страхами и снами,
Погасят дальние края.
Нищета заката над домами
Участь новая моя.*

Часто писал о смерти и рано ушедший из жизни Лермонтов: «Пора туда, где будущего нет, / Ни прошлого, ни вечности, ни лет». Поплавский, как и герой Лермонтова, Печорин, раздираем душевными бурями. «...Целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку», – говорит Печорин. У Поплавского невыносимость бытия духовного и материального заставляли его погружаться глубоко в себя, делали замкнутым и отдаленным. А в стихах – предельная обнаженность, крик потерянного до отчаяния человека:

*Снег идет. Закрывается одеялом.
Рано лампу тусклую зажечь.
Что-нибудь перечитать устало.
Что-нибудь во сне поесть и лечь.*

*Спать. Уснуть. Как страшно одиноким.
Я не в силах. Отхожу во сны.
Оставляю этот мир жестоким,
Ярким, жадным, грубым, остальным.*

«Трагедия героя, загнанного внутрь самого себя, заключается в безысходности его одиночества... Неизлечимее и мучительнее всех был болен этой болезнью (одиночеством) самый эмигрантский из всех эмигрантских писателей, Борис Поплавский. Этим и объясняется, как я полагаю, его неумение держаться («одним я перехамил, другим переклялся»), – так охарактеризовал Поплавского В. Варшавский в книге «Незамеченное поколение»¹⁸.

«Поплавский был настоящий страдалец, который чувствовал между собой и Богом тьму...» – писал о нем философ Бердяев¹⁹. В поздних стихах Поплавского тема одиночества особенно обострена. Невыносимая тоска, мысли об одиночестве, о Боге сумбурно переплетаются с мыслями о смерти как в его ранних, так и поздних стихах. Из дневника, незадолго до смерти: «И снова, в 32 года, жизнь буквально остановилась. Сажу на диване и ни с места, тоска такая, что снова нужно будет лечь, часами бороться за

жизнь среди астральных снов. Глубокий основной протест всего существа: куда ты меня завел? Лучше умереть».

Под ногами не было реальной почвы, жизнь и сон сливались в одну долгую бессмысленную вечность, без будущего, без настоящего. Оставалось только прошлое, туманные воспоминания о России, о счастливом детстве, но и эта память бледнела, гасла, как вспышка, как отражения ночных фонарей, мешала жить, спать: «Кто кричит над снеговым ночлегом? / Это память мне мешает спать».

Пустота существования, бессмысленность и безысходность его, нищета толкали некоторых эмигрантов на самоубийство. Хотя философское осмысление смерти характерно для многих русских поэтов, особенно болезненно эта тема доминировала в произведениях поэтов русского зарубежья, в частности у поэтов «парижской ноты».

В 1931 году вышла книга русского философа Николая Бердяева «О самоубийстве»²⁰, написанная в решающий момент истории русской эмиграции, когда начался моральный и материальный упадок. Бердяев писал о том, что часто невыносимость бытия ассоциировалась с вечностью и неумение преодолеть ее, найти силы, чтобы переступить через это мгновение слабости, часто приводило к самоубийству или к мыслям о нем. Ту же самую мысль высказывает и Борис Поплавский – одно из его стихотворений называется «Долговременность сквозь мгновение».

VIII. ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО БОРИСА ПОПЛАВСКОГО

Вся горечь Поплавского, безрадостность, душевная, нарастающая до беспредельности боль отражалась в стихах, фантастических, болезненных образах:

*На высоких стеблях розы дремлют.
Пыльный воздух над землей дрожит.
Может быть, весной упасть на землю,
Замолчать и отказаться жить?*

Казалось, что уход в сон, погруженность в другое отвлеченное состояние (отсюда, вероятно, и наркотики), в другой, астральный, мир порождал поток фантастических, нереальных образов. Сознание ненужности и творческой изолированности, отсутствие читателя выливались в страшные по своей безысходности строки:

*Читали мы под снегом и дождем
Свои стихи озлобленным прохожим.
Усталый друг, смирайся, подождем,
Нам спать пора, мы ждать уже не можем.*

*Как холодно. Душа пощады просит.
Смирись, усни. Пощады слабым нет.*

Поэзия может быть осмысленной, но она может быть и интуитивной, обнажающей анатомию души посредством зашифрованного поэтического образа. Можно писать стихи соответственно жизни внешней, а можно писать «интроспективно», черпая темы не столь из внешних событий, сколь из внутренних переживаний. Поэт остается наедине со своими мыслями, внутренней музыкой, как бы погружаясь в отвлеченное от внешнего мира состояние, замыкаясь на своем внутреннем чувстве.

*Так в нищенском своем великолепии
Поэзия цветет, как мокрый куст,
Сиреневого галстука нелепей,
Прекрасней улыбающихся уст.*

В поэзии Бориса Поплавского происходит стирание границ двух миров – материального и духовного. Мир, вещи, пространство – все размыто, все относительно. Мир расплывается, искажается – это хаотическое нагромождение образов, вещей. Мы попадаем в такое поэтическое пространство Поплавского, которое включает в себя интуицию и интеллект, переплетающиеся с его духовным видением и ощущением времени и мира, т.е. это пространство души и мира, когда поэт пытается с помощью образов выразить «невыразимое»: «Мы танцевали нашу жизнь под шум / Огромных труб, где рокотало время».

Его пространство насыщено самыми неожиданными и причудливыми образами, некий «поэтический коллаж», как на картинах художников-сюрреалистов и художников-экспрессионистов. Они мистически загадочны, музыкальны, красочны. В них сочетаются плавно переходящие друг в друга краски.

В поэзии Поплавского тема следует за взлетом его творческой эмоции, интуиции. Но богатство и ценность содержания стихотворения зависит также и от багажа знаний поэта. Высокое поэтическое чувство является первостепенным – тема следует за ним интуитивно. Идея может родиться первоначально, независимо от поэтической эмоции. Эта мысль особенно легко прослеживается в поэзии Бориса Поплавского. В его поэзии до-

минирует тема смерти, переданная посредством странных, таинственных, ассоциативных образов и символов. И не случайно. Поэтическая вселенная поэта до предела драматична. Это он – одинокий человек, кричащий в пустоту в холодном, равнодушном мире. Возможно, что тема рождалась в его сознании под влиянием жизненных обстоятельств, но, читая его стихи, понимаешь, что рукой его все-таки ведет не разум, а поэтическая эмоция, художественная интуиция, накал чувств, доведенных до отчаяния человека. Бельгийский художник Рене Магритт писал, что интуиция подсказывает художнику, как расположить предметы, чтобы выразить тайну, ибо искусство это всегда тайна²¹.

*Высоко над домами летел дирижабль зари,
Угасал и хладел синевеющий вечера воздух.
В лучезарном трико облака голубые цари
Безмятежно качались на тонких трапециях звездных.*

*Одинокий шептал: «Завтра снова весна на земле,
Будет снова мгновенно легко засыпать на рассвете.
Завтра вечность поет: не забудь умереть на заре,
Из рассвета в закат перейти как небесные дети».*

Поплавский умел «найти слова, которые как будто никогда еще не были произнесены и никогда уже не будут заменены другими» (З. Гиппиус)²². Он не только находил такие слова («буквы в книге плачут...»), но и обладал исключительным, я бы сказала, даже мистическим поэтическим чувством. Его стихи не лгут – это чистые, глубоко личные интонации внутреннего монолога.

*Как страшно устать,
Вся жизнь течет навстречу.
А ты не в силах жить.
Вернись в закуток свой.*

*Таись, учись скрывать
И слушай там весь вечер,
Как мелкий лист дрожит
Под каплей дождевой.*

Его часто сложные, многослойные, хаотические, поэтические образы, какой-то внутренний, неосознанный поток были, вероятно, результатом полной погруженности в себя, острого духовного кризиса и глубокого страдания:

*Сонно алые трубы пропели мою неудачу.
Мне закрылись века, покрывается снегом река.*

*Я на острове смерти лежу неподвижно и плачу.
И цветут надо мной безмятежно одни облака.*

Совпадение внутренней, только ему присущей интонации с ритмом его стихосложения создавали музыку его поэзии. Стихи Поплавского музыкальны, они как бы окружены какой-то таинственно звучащей аурой, где слова сливаются с музыкой. «Музыка приходит к душе, как весна, потом – как женщина. Душа бросается в нее и исчезает в ней, захваченная ею. Самое явное воплощение ее есть женщина», – пишет поэт. Стихи его завораживают тонкой, чуткой мелодией, обволакивают какой-то магической силой. Они наркотичны, звучание гипнотизирует, их хочется читать и читать, прислушиваясь к их страшному, завораживающему, мелодичному шепоту.

*Вечером ярким в осеннем парке
Музыка пела: «Вернись, вернись».
Вечером дивно прекрасным и кратким
Сердце не в силах забыть свою грусть.*

Музыка его стихов легка и в то же время драматична. В каких-то из них можно уловить романтически-музыкальные ноты и ритмику как Александра Блока, так и Георгия Иванова, поэтов, которыми он особенно восхищался:

*Восхитительный вечер был полон улыбок и звуков.
Голубая луна проплывала, высоко звуча.
В полутьме Ты ко мне протянула бессмертную руку.
Незабвенную руку, что сонно спадала с плеча.*

А вот стихотворение Георгия Иванова, где слышится та же музыка: «И опять в романтическом Летнем Саду, / В голубой белизне петербургского мая / По пустынным аллеям неслышно пройду, / Драгоценные плечи твои обнимая».

А эти строки из стихотворения Бориса Поплавского

*Смейся, плачь, целуй больные руки,
Превращаясь в камень, лги, кради.
Все здесь только соловьи разлуки,
И всему погибель впереди...*

напоминают и по музыкальности, и по эмоциональности строчки из известного стихотворения А. Блока:

*Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!*

И не менее известное стихотворение Георгия Иванова:

*Все равно – не протягивай руки,
Все равно – ничего не спасти,
Только синие волны разлуки,
Только синее слово «прости».*

В 1928 году Поплавский оставил в дневнике такую запись: «Дух же музыки не приходит к душе, душа может стать им, а ослабев, упасть в музыку и тогда зазвучать сладостно (как Блок)». После смерти Поплавского Г. Газданов написал: «Вместе с ним умолкла та последняя волна музыки, которую из всех своих современников слышал только он один».

Надо сказать, что в это время возникла органическая связь между дореволюционной поэзией конца Серебряного века и поэзией новых послереволюционных поколений, недавно прошедших через крушение не только материальных, но и многих духовных ценностей прежнего мира. Эту связь между поэтами нового поколения и поэтами Серебряного века можно почувствовать в стихах Поплавского. Вот отрывок из стихотворения Блока «В ресторане»:

*Никогда не забуду (он был или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре – фонари.*

Блоковские мотивы, мистику и музыку можно услышать и в этом стихотворении Поплавского:

*Розовеющий призрак зари
Возникал над высоким строеньем,
Гасли в мокром саду фонари,
Я молился любви... Озари!
Безмятежным своим озареньем.*

Из советских поэтов, по-моему, по структуре и выражению поэтической мысли Борис Поплавский наиболее близок к Осипу Мандельштаму и Борису Пастернаку.

«Интеллект, вместе с воображением, мы найдем в самом сердце поэзии. Но разум или интеллект – это не только логический разум; в нем есть и бесконечно более глубокая, окутанная мраком жизнь, которая открывается нам по мере того, как мы пытаемся проникнуть в тайны поэзии», – писал французский философ Жак Маритен в книге «Творческая интуиция в искусстве и поэзии»²³. В поэзии Бориса Поплавского отражается его

глубокий интеллект, проникнутый и образованный не только мистическими видениями окружающего мира, но и его философским осмыслением. Размышляя о цели жизни, погружаясь в глубину своего «я», поэт создает свое собственное видение, то поэтическое пространство, где образы всплывают на поверхность сознания в форме стихотворных строчек, порой понятных только ему одному: «ломала руки в переулке жалость», «в темном доме призрак спал на стуле», «спит с иглой железной в горле / жизнь в мешке», «во тьме грехи проснулись до зари». По определению индийских эстетиков, произведение искусства – это плод «преизобиливания творческой интуиции, аналогичной сверхчувственной интуиции мистика». Эмоциональное и интуитивное движение души поэта захватывает читателя, помогает ему понять его боль, неприкаянность и неумение найти свое место в обществе.

*Почему боль не проходит?
Потому что проходит вовнутрь,
Где спит статуя с электрическим черным лицом,
На страже анемоны и солнечных рыб
Там боли нечего делать.*

Или:

*Встает весна. От постоянной боли
Душа утомлена, тиха, пуста.
Болезнью, которою я болен,
Был болен мир, от первых дней греха.*

Этот поток интуитивного подсознания можно назвать и музыкальным произведением, где нет фальшивых нот, но есть плач обреченного человека. Вячеслав Иванов в своей работе «Заветы символизма» так выразил художественные признаки и эстетические принципы «символического» направления в искусстве: «Особенная интуиция и энергия слова, каковое непосредственно ощущается поэтом как надпись неизречённого, вбирает в свой звук многие неведомо откуда отозвавшиеся эхо и как бы отзвуки разных подземных ключей...»²⁴

*Тихой песней сердце успокойте,
Пощадите розы на кусте,
Притупите дух, огни укройте,
Растопчите пепел в темноте.*

Легко заметить, что в своей поэтике Поплавский широко использовал олицетворения. Пленительные, хрупкие, мистические образы («над солнечною музыкой воды», «в сумерках ложились

золотые тени», « в белом небе сирень расцвела», «лета красный месяц на волнах») неожиданно сменяются описаниями смерти или образом черной Мадонны («смерть запела совершенно даром / над лежащей на земле Мадонной», «дико вскрикнет черная Мадонна, / руки разметав в смертельном сне»). Почему именно Поплавский использовал здесь образ черной Мадонны? Наверно потому, что черная Мадонна была жертвой, – изображением которой во все века безжалостно уничтожали. И это еще один из примеров передачи через образ его состояния безнадёжности, ухода в воображаемый, запредельный, астральный мир. Как в поэзии, так и в реальной жизни он искал света, белого сияния и выхода из сумерек, из страшного холода, когда «души рвутся из зимней неволи / к страшной, радостной жизни земной», но находил только холод и страх, тот черный мир, где «была судьба, как белый дом отвесный, / все заперто, и стража у дверей».

*На город пал зеленых листьев снег,
И летняя метель плывет как пламя,
Смотри, мы гибель видели во сне,
Всего вчера, и вот она над нами.*

Душевные метания, душевный холод, постоянные мысли о смерти он настойчиво выплескивает на бумагу с помощью странных поэтических образов:

*Была зима во мне, и я в зиме,
Кто может спорить с этим морем алым,
Когда душа повесилась в тюрьме
И черный мир родился над вокзалом.*

Поэзия для Бориса Поплавского – это форма своеобразного мышления, форма выражения своих идей посредством тайных образов, уводящих от реальности, и ведущая к разгадке постижения вечного Смысла через образную символику. Н. Бердяев писал, что постигнуть смысл жизни есть самое важное дело, смысл лежит за пределами мира, а мир упирается в тайну, в которой рациональное мышление кончается. Поэзия Поплавского многослойна и многогранна, многолика и многозначна – поэт пользуется музыкальными звуками, звукописью поэтического слова, ритмом и ритмикой, многослойной палитрой красок, цветовой гаммой от белого до черного цвета. С помощью этих приемов он передает свое внутреннее состояние, интуитивное ощущение мира, поиск Смысла и тайны вселенной.

Мы редко находим в поэзии Поплавского сюжетные линии, но он постоянно искал новые фор-

мы, свои, необычные и небывалые, раскрепощенные образы, не подчиняющиеся никаким сложившимся канонам поэтики, выходящие за рамки реального в мир таинственный и непостижимый. Он дал возможность читателю заглянуть вместе с ним в другие мистические миры, уловить их астральный свет и услышать тихий шепот других планет. Есть в его поэзии некая недосказанность, чувство тайны. Поэт не разъясняет смысла своих мистических образов, но с их помощью он передает нам свое настроение, состояние тревоги и предчувствие смерти. Игра слов, красок и звуков в сочетании с мистическими образами у Поплавского создает его драматическое ощущение мира. Часто густота образов, интенсивность эмоций и красок лишает поэзию Бориса Поплавского воздуха, читатель вместе с поэтом задыхается в холодном, равнодушном Париже: «Парижу холодно. Парижу голодно. / Париж не ест на улице каштанов. / Париж в лохмотья нищенски оделся. / Париж как в стойле стоя спит в метро» (Поль Элюар).

IX. «КРИЧУ: ОТВЕЬТЕ...»

Лирический герой Бориса Поплавского, как и персонаж картины Эдварда Мунка «Крик», кричит в пустоту, и читатели, и друзья поэта слышат этот крик о помощи, но нет ответа... никого нет вокруг – только вакуум, пустота, холод, страх...

*Пир прекращается. Званные плачут на пире.
Падают время из ниши –
Никого нет...*

Звезды... Сиянье судьбы.

*Почему мы огонь потушили?
Почему мы играли с огнем,
Шутя со смертью.*

*Пали во тьму без борьбы.
Почему Вы погигнуть спешили?
Разве Вам лучше в аду ледяном?
Кричу: ответьте...*

Нет, только холод и страх.

Лирические герои поэта, как и у А. Блока, «кричат и плачут навзрыд». Человеку, который стоит над пропастью, надо сделать только один шаг, чтобы упасть на самое дно и погибнуть. Он, как бегун, летящий к финишной ленте, а за ней – пус-

тота, бездна. И он уже не ощущает ничего, кроме этого стремительного падения в бездну – в бездну смерти. Как можно было не услышать крик о помощи в этих сильных по своей эмоциональности строчках Поплавского в стихотворении «Рукопись, найденная в бутылке»?

*Милая, мы умираем, прижмись же ко мне.
Небо нас угнетает, нас душит синяя твердь.
Милая, мы просыпаемся, это во сне.
Милая, это неправда. Милая, это смерть.*

На одном из литературных собраний в Париже в 1930 году Нина Берберова уже тогда отмечала, что символисты предавались наркомании, кончали с собой пулей или газом, как Виктор Гофман, Муни, Надежда Львова, Борис Койранский, Нина Петровская. Поэт жил и творил, балансируя на грани мира иллюзорного и мира реального, чтобы «сосредоточиться в боли... Выразить хотя бы муку того, что невозможно выразить». Но крик Поплавского, порой доходящий до отчаянья, мысли о смерти, таинственная недоговоренность не были замечены его друзьями. А ведь в одном из стихотворений, написанных в 1932 году, поэт восклицает: «Я жить хочу бессмысленно и горько».

«Смерть Поплавского связана с неразрешимым вопросом последнего человеческого одиночества на земле. Он дорого заплатил за свою поэзию. Были ли люди, которые искренно и тепло любили Поплавского – были ли такие среди его многочисленных друзей и знакомых? Думаю, что нет; и это очень страшно» (Гайто Газданов)²⁵. Казалось бы, что друзья должны были испытывать не только восхищение его талантами, но и почувствовать интуитивно, в каком тяжелом душевном состоянии пребывал поэт. Явная депрессия, состояние подавленности, «одиночество в себе», неумение перенести материальные трудности остались без помощи. Запись из дневника Поплавского: «Меж тем проходит жизнь моя и со дня на день ждет спасения». Но спасение не пришло.

В жизни поэта ничего не было важнее его поэзии. Он ждал понимания, а вместо этого встречал холодное молчание и ощущение того, что поэзия его никому не нужна. Постепенно он замолкал, стал меньше писать. К частой критике своих произведений относился крайне болезненно, и это непонимание его творчества ранило глубоко. А жить без творчества он не мог. Поэт оказался в вакууме, в котором постепенно умирал. Из дневника Поплавского: «Кто знает, какую храб-

рость одинокую надо иметь, чтобы еще писать без ответа и складывать перед порогом на разнос ветру...» Он задышался без воздуха в четырех стенах своего одиночества, ему было жутко «открывать глаза на нереальное, видеть комнату, чувствовать усталость и холод, опять погружаться в страх». И он устал, и постоянно думал о смерти.

*Сирени выпал легкий снег
В прекрасный час.
Огромный ангел на холме
В холодном розовом огне
Устал, погас.*

«Он ушел из жизни обиженным и непонятым. Я не знаю, могли ли мы удержать его от этого смертельного ухода. Но что-то нужно было сделать – и мы этого не сделали. Ушел Поплавский и вместе с ним – его постоянный бред: все море, и корабли, и бесконечно длящийся бег далекого океана... И опять то же видение: ночь, холод, вода, огни – и последнее отплытие из тяжелой и смертельно скучной страны» (Г. Газданов)²⁶. Но не только друзья оставались равнодушными к его творчеству. Борис Поплавский как-то пожаловался В. Варшавскому, что его родной отец, очень его любивший, совсем не знал его стихов, никогда ни одной строчки не прочел.

Поплавский напишет о себе словами своего героя, Аполлона Безобразова: «Я жил в сумерках. В сумерках я просыпался на чужой перемятой кровати. Пил воду из стакана, пахнущего мылом, и долго смотрел на улицу, затыгиваясь окурком брошенной хозяином папиросы». В этих жутких строчках трагедия целого поколения русских литераторов на чужой земле. В последние годы жизни молодого поэта занятия литературой становятся для него все более и более мучительными и «втайне от себя» он ищет исхода от нее в религиозной философии и истории религий. Как пишет сам поэт, белый лист бумаги наводит на него оцепенение: «как снежное поле, перед которым кажутся не важными все цветы и звуки». Творческое оцепенение, поиск себя, душевные метания и возвращение к наркотикам, «болезненная ткань его стиха» были замечены его собратьями по перу, но шага навстречу сделано не было. Яновский писал в своих мемуарах, что стихи его часто не принимали к печати, многие его не любили при жизни. Постоянно с ним спорили, «клевали, наваливались скопом, завистливо придираясь». А он, «точно ломовая лошадь», вывозил всех из неудачно проходившего собрания

или доклада. Но ссоры с ним сменялись потом полосами дружеского общения. И только...

По иронии судьбы после смерти Бориса Поплавского называли первым поэтом русской эмиграции. В. Ходасевич писал в 1938 году: «Как лирический поэт, Поплавский, несомненно, был одним из самых талантливых в эмиграции, пожалуй, – даже самый талантливый»²⁷.

По свидетельству отца Б. Поплавского, последние годы его жизни были «глубоко загадочны», как будто он постепенно уходил из мира сего, испытывая все нарастающую смертельную тоску. Судьба не была щедра к русским поэтам – Поплавскому досталась смерть по жребью. «И все-таки, если заглянуть хоть немного глубже, становится ясна ужасная внутренняя неслучайность этого несчастья, как будто случайного. Быть может, случайно даже то, что оно произошло именно в такой-то день и час, именно с Поплавским, из-за проклятого героя. Но совсем не случайно то, что оно вообще произошло в молодой литературной среде, в среде эмигрантского Монпарнаса. Чего-то в этом роде, какой-то вообще катастрофы, не только можно, но и нужно было ждать»²⁸. Судьба Бориса Поплавского, поэта непризнанного и неузнанного при жизни, вмещается в эти пронзительные, глубокие строчки, которые могут послужить эпиграфом к жизни и творчеству целого поколения поэтов русского зарубежья:

*На пустых бульварах замерзая,
Говорить о правде до рассвета.
Умирать, живых благословляя.
И писать до смерти без ответа.*

Примечания

¹ Поплавский Б. Неизданное. Дневники. Статьи. Стихи. Письма. – Москва: Христианское издательство, 1996. С. 277.

² Поплавский Борис. Стихотворения. – Томск: Водолей, 1997. В дальнейшем стихи Б. П. будут цитироваться по этой книге.

³ Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. // Сост., предисл. и коммент. В. П. Крейда. – М.: Республика, 1994. С. 298.

⁴ Газданов Гайто. О Поплавском. // Современные записки, 1935. № 59. С. 462 – 465.

- ⁵ Яновский Василий. Поля Елисейские. – Нью-Йорк: Серебряный век, 1983.
- ⁶ Шаховская З. А. Отражения. – Париж: YMCA-Press, 1975. С. 143.
- ⁷ Из неопубликованных мемуаров Н. Серпинской – «Мемуары интеллигентки двух эпох».
- ⁸ Столярова Н. И. Ответы Н. И. Столяровой на вопросы, заданные А. Н. Богословским. // Неизданное. С. 73.
- ⁹ Фельзен Ю. Поплавский. // Альманах «Круг», № 1, 1936. С. 172-176.
- ¹⁰ Крейд В. Борис Поплавский и его проза. // Юность, №428, 1991. С. 1 – 6.
- ¹¹ Ходасевич В. Литературная критика 1922–1939 гг. – М: Согласие, 1966.
- ¹² Газданов Гайто. О Поплавском. // Современные записки, 1935. № 59. С. 462 – 465.
- ¹³ Мастера искусства об искусстве: В 7 т. М.: Искусство, 1965 – 1970. Т. 2. С. 246-249. Перевод А. А. Губера по первому итальянскому изданию текста 1888 г.
- ¹⁴ Мицич Л. Современная новая и предчувствуемая живопись. // Зенит. 1921, № 10. С. 11.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Крейд Вадим. Борис Поплавский и его проза. // Юность, №428. С. 1-6.
- ¹⁷ Адамович Г. Одиночество и свобода. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.
- ¹⁸ Варшавский В. Незамеченное поколение. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.
- ¹⁹ Бердяев Н. О затруднениях свободы. // Русские новости, №18, 14 сент. 1945.
- ²⁰ Бердяев Н. О самоубийстве. – Париж: YMCA Press, 1931.
- ²¹ Диль Г. Макс Эрнст. М.: Слово, 1995.
- ²² Адамович Г. Сомнения и надежды. – М: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 209.
- ²³ Maritain Jacques. Creative Intuition in Art and Poetry. – NY: Princeton University Press, 1953.
- ²⁴ Иванов В. Заветы символистов. В книге «Борозды и межи». – М: 1916. С. 135.
- ²⁵ Газданов Г. О Поплавском. // Современные записки, 1935. № 59. С. 462 – 465.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Из книги «Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников». – Ст. Петербург: Изд-во Logos, Голубой всадник, 1993.
- ²⁸ Ходасевич В. Ф. О смерти Поплавского. // Возрождение, 17 октября, 1935 г.

Елена ДУБРОВИНА –

поэт, прозаик, эссеист, переводчик.

Родилась в Ленинграде.

Живет в пригороде Филадельфии, США.

Автор сборников стихов «Прелюдии к дождю»

и «За чертой невозвращения»,

романа на английском языке «In Search of Van Dyck»

и сборников рассказов «Portrait of a Wandering Soul» и «The Dying Glory».

Составитель и переводчик антологии

«Russian Poetry in Exile (1917–1975). A Bilingual Anthology».

Является главным редактором американского журнала

«Поэзия: Russian Poetry Past and Present»

и сопредседателем журнала «Зарубежная Россия:

Russia Abroad Past and Present».

Ее стихи вошли в антологию английской поэзии «Liquid Gold».

В 2013 году Всемирным союзом писателей

ей была присуждена национальная литературная премия

им. В. Шекспира за высокое мастерство переводов.

